

Аппетит уходит во время еды

Джордж Баланчин в Большом театре

Независимая - 2004
- 16 марта - с. 10

Майя Крылова

Четыре года назад в Большом театре впервые сделали вечер Баланчина. Премьере сопутствовал встречный энтузиазм исполнителей и балетоманов. Теперь, отмечая столетие со дня рождения хореографа, театр во второй раз ставит его «Сим-

язык напоен интеллектом и скоростью, заявляя новый (по сравнению с балетами Петипа) тип «тревожной гармонии».

Это видно уже в «Симфонии до-мажор» на музыку Бизе, из трех опусов программы, наиболее близкой старым балетам. «Симфония», поставленная в 1947 году, — это нарядные пачки балерин и расшитые блестками

Многие исполнители, замордованные непривычно интенсивным трудом, «стухли» к премьере

фонию до-мажор» и «Агон», но впервые обращается к «Концерто барокко». Триада, одобренная исполняемыми по очереди тремя концертными па-де-де, хорошо представляет мастера, который всю жизнь собирал из привычных классических па непривычные конструкции. Академическую репутацию классики Баланчин разрушил до основания, но при этом раскрыл суть классического танца, показав, что дело не в принцах и сказках, а в том, что в балете можно увидеть музыку и услышать танец. После его так называемых «бессюжетных» спектаклей разве что упертый фанатик прогресса сомневается в возможностях «устаревшего» арабеска многое сказать современному человеку. Но и консерваторы, привыкшие к безмятежному созерцанию красоты, на балетах Баланчина не могут упиваться консерватизмом: его неоклассический

премьерские камзолы в грандиозном параде классического танца, упивающегося собственными эмоциональными и графическими возможностями. Отликующего начала (словно въезд победителей в триумфальные ворота) к медленной второй части — сам хореограф сравнивал ее то с луной, величаво плывущей по небосклону, то с черным бриллиантом; бурная третья часть, где музыка и танец образуют оживленную пастораль; и финал, в котором иерархические построения ансамбля солистов и кордебалета торжественно выстраиваются в «Хрустальный дворец» (еще одно название этого балета).

«Агон» (греческое слово «соревнование») совсем другой. Делая этот спектакль через десять лет после «Симфонии», одевая исполнителей в черно-белые «рабочие» трико и купальники, Баланчин уже не вспоминал о

На балете «Концерто барокко» дремали и артисты, и зрители.

Фото ИТАР-ТАСС

прошлом, но думал о будущем. Критика сравнивала остроумие и дерзость «ломаной» хореографии (не говоря уже о серийной музыке) с «шуткой астронавта, который обозревает землю и космос из шлюза корабля: «Ну и прогулка, мальчики!» Но так головокружительный балет видится из зрительного зала. А замученные исполнители иной раз повторяют «черную» шутку: пристрелить бы того, кто позволил работать Баланчину и Стравинскому вместе...

После техногенного «Агона» балет «Концерто барокко» кажет-

ся простым. Но только кажется: здесь тоже изощренная танцевальная игра с асимметрией ритмов. Исследователи Баланчина давно заметили: чтобы исполнить этот хорошо синкопированный опус на музыку Баха, балеринам приходится стаптывать вдвое больше пуантов, чем в других спектаклях. И если в этом «концерто» есть барокко, то его завитушки надо искать в прихотливых движениях стоп двух солисток, исполняющих одно и то же па с разными «ударениями».

Педагоги, уполномоченные Фондом Баланчина, в течение

полутора месяцев готовили вечер в Большом театре. Теперь спектакли всецело принадлежат артистам, а им еще учиться и учиться танцевать с развернутыми бедрами, контрастными ракурсами телесных разворотов и уходящим не столько вверх, сколько вперед арабеском — так, как учил исполнять свою хореографию «мистер Би». Но дело даже не в этом. Для балетов Баланчина необходимы не только профессиональные, но душевно открытые танцовщики. Те, кто способен проникнуть в особое понима-

ние сценического пространства (пульсирующая композиция целого держит равновесие через «конфликт» отдельных частей). Довериться иному, чем в академических балетах, взаимодействию балерины с танцовщиком: словно в бальном танце, где мужчина — не палка для опоры, а равноправный партнер. А главное — делать энергетически емкий танец, чтоб лезли искры. На этой премьере в отличие от прошлой постановки Баланчина в ГАБТе совсем не ощущалось артистического запала. Может быть, потому, что принятые сегодня напряженный график балетных показов и разнообразие репертуара уже не дают исполнителям возможности жить, как раньше, по российским балетным привычкам, неторопливо настраиваясь на редкие выступления. От труппы требуются западная мобильная собранность и западное же умение параллельно держать в голове (и в теле) разные стили и спектакли. А с этим в Москве плохо. В результате из «Концерто» испарился джаз, из «Агона» — состязательность, а медленная часть «Симфонии» стала неуместно похожа на «Лебединое озеро». Лучшее других смотрелись Анастасия Яценко с Яном Годовским («Агон») и Светлана Захарова («Симфония»), они вышли за рамки среднестатистических упражнений в классике, слегка разбавленных Баланчиным. Такое впечатление, что многие исполнители, замордованные непривычно интенсивным трудом, просто психологически «стухли» к премьере. А может, танцевали скучно потому, что труппу поразил весенний авитаминоз.